

Функционирование деепричастий в русском языке XVIII в.: к вопросу об эволюции их грамматического значения

The functioning of the gerunds in the Russian language of the XVIIIth c.: on the question of the evolution of their grammatical meaning

Maria Ermolova¹ (Мария Вадимовна Ермолова)

Accepted: 12 September 2024
© The Author(s), under exclusive licence to Springer Nature B.V. 2024

Аннотация

В статье анализируется функционирование деепричастий в русском языке XVIII в. Описываются и классифицируются контексты, являющиеся неправильными с точки зрения современной нормы. Анализ материала XVIII в. в диахронической перспективе, сопоставление с древне- и среднерусским материалом позволяет внести некоторые коррективы в прежние представления о развитии причастий в истории русского языка и уточнить этапы становления грамматического значения современного деепричастия. Современное грамматическое значение и синтаксическое поведение деепричастия начали формироваться в XVIII в. Именно материал XVIII в. демонстрирует примеры, отсутствовавшие в предыдущие века и позволяющие проследить грамматикализацию деепричастия.

На первом этапе деепричастная предикация становится зависимой по значению, но формально остается самостоятельной, присоединяясь к предикации, главной по смыслу, с помощью сочинительного союза. На второй стадии семантическая зависимость начинает выражаться эксплицитно: сочинительный союз замещается на коррелятивный союз *то*. Наконец, формальные средства, указывающие на зависимость деепричастной клаузы, становятся ненужными, т.к. за деепричастием закрепляется грамматическое значение глагольного обстоятельства.

Abstract

The paper analyzes the functioning of gerunds in the Russian language of the XVIIIth c. It describes and classifies contexts that are non-standard from the perspective of modern grammatical norms. By analyzing material from the XVIIIth c. in a diachronic perspective and comparing it with Old and Middle Russian material, we revise the traditional understanding of the evolution of participles in the history of Russian and clarify the stages of development of the grammatical meaning of the modern gerund. The modern grammatical meaning and syntactic behavior of gerunds began to take shape in the XVIIIth c. It is the material of this

---

✉ M. Ermolova
maria-anna2121@yandex.ru

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

time period that demonstrates contexts that were absent in previous centuries, allowing us to trace the process of grammaticalization of the gerund.

In the first stage, participial predication becomes dependent in meaning but remains formally independent and is connected with the main predication in meaning by a coordinating conjunction. In the second stage, semantic dependence begins to be explicitly expressed: the coordinating conjunction is replaced by the subordinating conjunction *to*. Finally, formal indicators of the dependency of the participial clause become unnecessary, as the gerund now acquires a grammatical meaning of the verbal adjunct.

1 Вводные замечания

1.1 Постановка проблемы

Деепричастие (далее ДПР) в современном русском литературном языке (далее СРЛЯ) – «форма глагола, в которой совмещаются значения двух частей речи: глагола и наречия, т.е. значения действия и обстоятельственно-определяющее» (Шведова, 1980, I, с. 669). ДПР не имеет морфологически выраженного временного значения, а обозначает в предложении то или иное «отношение обозначаемого им действия ко времени действия, обозначаемого глаголом-сказуемым» (Шведова, 1980, I, с. 669). Как правило, ДПР НСВ обозначают одновременное действие, ДПР СВ – предшествующее (подробнее см. (Шведова, 1980, I, сс. 669–670)). В соответствии с нормами СРЛЯ субъекты действия ДПР и глагола-сказуемого должны совпадать (Шведова, 1980, I, с. 669; Шведова, 1980, II, с. 181).¹ Тем не менее, как у русских писателей-классиков (например, у Радищева, Грибоедова, Пушкина, Лермонтова, Л. Толстого, Достоевского и др. (Виноградов и Шведова (ред.), 1964, сс. 398–401)), так и в современной неграмотной речи такие построения с различающимися субъектами не являются редкостью (см., например, Babby & Franks, 1988, pp. 504–508). Так, например, как отмечается в (Добрушина, 2004, с. 55), для 70% московских школьников предложение «*Дочитав книгу до середины, она стала скучной*» кажется нормальным.

Как известно, ДПР произошло из именных форм древнерусских причастий настоящего и прошедшего времен, выполняющих предикативную или полупредикативную функции (см., например, Потебня, 1958/1888; Истрина, 1923 и 2.1, 2.2), в процессе эволюции утратив грамматические значения рода, числа, падежа и времени. Вопрос о времени перехода причастия в ДПР остается открытым. Ряд исследователей связывает этот переход с утратой причастием согласования по роду и числу с субъектом действия, ср.: факты утраты причастиями согласования с определяемым членом «говорят о том, что старые именные действительные причастия вообще теряют формы словоизменения и превращаются в неизменяемую форму – деепричастие» (Борковский и Кузнецов, 1963/2006, с. 303). А.А. Потебня периодом формирования деепричастия считает XIV в. (Потебня, 1888/1958, с. 186), Л.К. Дмитриева – XV в. (Дмитриева, 1963, с. 14), С.Д. Никифоров – XVI в. (Никифоров, 1952, с. 260), А.Н. Стеценко – XVII в. (Стеценко, 1972, с. 41). Сложность определения времени появления ДПР заключается в том, что утрата согласования с существительным по роду и числу не была напрямую связана с приобретением новых синтаксических функций. Так, как показано в (Ермолова, 2023), несмотря на отсутствие родовых и числовых форм у ДПР в XVII в., его синтаксис далек от современного и довольно близок древнерусскому состоянию, когда именные

¹Под субъектом здесь и далее подразумевается грамматический субъект в Им.п.

причастия (впоследствии ставшие ДПР), могли употребляться в качестве предиката независимого предложения (Потебня, 1958/1888; Истрина, 1923) (далее в настоящей статье эту функцию ДПР мы будем называть предикативной). Очевидно, что этап эволюции ДПР, наблюдаемый в XVII в., не был непосредственным предшественником современной ситуации (см. Ермолова, 2023). Следовательно, для понимания этапов становления ДПР необходимо обратиться к материалу XVIII в., при этом сопоставив его с древне- и старорусскими данными.

1.2 Традиционный подход к описанию функционирования деепричастия в XVIII в. Актуальность исследования. Структура статьи

Касаясь вопроса функционирования деепричастий (далее ДПР) в русском языке XVIII в., исследователи обращают внимание, прежде всего, на два явления: употребление ДПР в функции основного сказуемого или сказуемого, однородного с финитной глагольной формой (ср. (1) и (2)), а также использование в деепричастном обороте ДПР с субъектом действия, не совпадающим с субъектом действия глагола-сказуемого (ср. (3)).

- (1) *А для добытия Динаменд-шанца отправил генерала-маеора Бука в 2000 челоуеках.* (А. М. Макаров (ред.). Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) (1698–1721))
- (2) *А Юрьев-Ливонский изволил генерал и фельдмаршалк мимо пройтить, и отошед от Юрьева пять верст, и стал в полях.* (И. А. Желябужский. Дневные записки (1682–1709))
- (3) *Какое же его было изумление, увидя встретившую нас Софью!* (Г. П. Каменев. Софья (1796))

Контексты типов (1) и (2) интерпретируются обычно как архаизмы, типа (3) – как галлицизмы, т.к. такое употребление деепричастных форм известно французскому языку, который с XVIII в. начал играть значительную роль в русской культуре (Буславев, 1869/1959, с. 537; Булаховский, 1958, с. 400; Виноградов и Шведова (ред.), 1964, с. 397; Абдулхакова, 2007, с. 169) и др.; подробнее см. раздел 2).

Между тем, анализ языка XVIII в. в диахронической перспективе, сопоставление с древне- и среднерусским материалом позволяет внести некоторые коррективы в такую интерпретацию и уточнить этапы становления современного грамматического значения ДПР.

Конструкции типов (1) и (2), хотя и являются уходящими в XVIII в. из языка, однако продолжают быть характерными для живого языка и используются не только как стилистический маркер архаизации в поэтической речи, как это утверждается в (Абдулхакова, 2007, с. 169). Конструкции же типа (3), которые принято считать галлицизмами, по всей видимости, представляют собой закономерную ступень в развитии грамматической семантики современного ДПР. Они являются следствием утраты ДПР прежней предикативности и превращения деепричастной клаузы в зависимую клаузу с обстоятельственным значением; в силу прежней же предикативности поначалу ДПР еще могло иметь собственный субъект, отличающийся от субъекта действия глагола-сказуемого. Доказательством такой интерпретации является наличие примеров типа (4), где деепричастный оборот соединен с основной частью предложения с помощью коррелятивного союза *то* наподобие полноценного придаточного предложения, ср. (4).

- (4) *При первом свидании с кем бы то ни было я никогда не лгу, а разве уже довольно спознавшись, то дело сбытное.* (М. Д. Чулков. Пересмешник, или Славенские сказки (1766–1768))

Подобные контексты отсутствуют в языковом материале предшествующих веков и являются инновацией XVIII в. Они свидетельствуют о закреплении за деепричастным оборотом значения зависимой обстоятельственной клаузы. Наличие *то* продолжало быть возможным, пока ДПР еще сохраняли свою былую предикативность. По мере ее утраты все больше становилось примеров без *то* типа (3), появление которых вызвано, следовательно, внутриязыковыми причинами, а не калькированием французских конструкций, что подтверждается наличием обсуждаемых контекстов в текстах XVIII в., далеких от французского влияния, в современных диалектах, а также в современной неграмотной речи (см. раздел 3).

Статья состоит из четырех частей. В следующем разделе рассматриваются типы контекстов с ДПР, представленных в языке XVIII в. Третья часть представляет собой анализ полученных данных в диахронической перспективе. В четвертой суммируются выводы.

2 Типы контекстов с деепричастиями в языке XVIII в

В статье рассматривается материал, полученный из (НКРЯ) по запросу (*ger*). Было отобрано примерно равное количество примеров из первой и второй половин века, при этом не учитывались церковнославянские тексты или тексты с большим количеством церковнославянских элементов (проповеди Стефана Яворского, слова Феофана Прокоповича и т.п.), т.к. целью работы является описание функционирования ДПР в живом языке XVIII в.² В выборку попали контексты, в которых употребление ДПР не совпадает с правилами современного русского языка и которые условимся называть нестандартными. Несмотря на то, что доля нестандартных примеров относительно стандартных мала и, по приблизительным подсчетам, не составляет и 10% (так, например, в «Переписке и делах во время посольства Артемия Волянского (1716–1718)» на 64 употребления ДПР приходится 5 нестандартных), их анализ представляется крайне важным. Мы не можем игнорировать факт наличия нестандартных употреблений, учитывая, что их большая часть исчезает со временем, а части не было в древнерусском языке и она является порождением старорусского периода. Все эти явления должны получить лингвистическое объяснение и не могут быть вычеркнуты из рассмотрения из-за своей относительно низкой частотности. Представляется, что именно по нестандартным употреблениям мы можем судить о грамматическом значении ДПР в тот или иной период. Так, например, в любой период времени ДПР (в прошлом – именное причастие) в русском языке могло использоваться так же, как и в СРЛЯ, ср. древнерусские конструкции типа *вставь, рече* ('встав, сказал'), однако его грамматическое наполнение было раньше иным, т.к. эта же самая форма употреблялась, например, и в качестве предиката независимого предложения. Таким образом, понять, чем прежде ДПР отличалось от современного, и проследить эволюцию его грамматической семантики мы можем лишь опираясь на нестандартные употребления, которые демонстрируют специфику интересующей нас формы.

²В церковнославянском же ДПР могут использоваться в архаических функциях, которые с течением времени уходят из русского языка.

Число отобранных контекстов за первую половину XVIII в. составило 183, за вторую – 169, что кажется достаточным для того, чтобы проследить динамику в развитии ДПР³ за один век.

В следующем разделе последовательно разбираются семь нестандартных типов употреблений ДПР в XVIII в. Примеры были разбиты на контексты в зависимости от синтаксического поведения ДПР и семантики деепричастной клаузы. В типах 1–2 (2.1–2.2.) ДПР выступает в качестве предиката независимого предложения и функционально приближается к финитной форме прошедшего или настоящего времени: в первом случае ДПР является единственным предикатом, во втором соединяется с помощью сочинительного союза с финитной глагольной формой. В типе 3 (2.3) ДПР выступает как обстоятельство при формах повелительного наклонения, инфинитива или будущего времени, соединяясь с ними с помощью сочинительного союза. В типах 4–6 (2.4–2.6) ДПР является предикатом в клаузе, семантически зависимой от главной. В типе 4 деепричастная предикация является зависимой по смыслу, однако присоединяется к главной с помощью сочинительного союза. В типе 5 зависимая и главная предикации соединены подчинительным союзом, в типе 6 союз между ними вообще отсутствует. Тип 6 максимально из всех типов близок к современному употреблению, однако субъекты ДПР и глагола-сказуемого различаются. К типу 7 были отнесены контексты с деепричастными оборотами, в которых субъекты ДПР и глагола-сказуемого совпадают в соответствии с современной нормой, однако подлежащее стоит не при сказуемом, а при ДПР внутри оборота.

2.1 Тип 1: ДПР как самостоятельное сказуемое

На протяжении всего XVIII в. ДПР могло выступать в роли самостоятельного сказуемого независимой предикации, выступая аналогом финитной формы прошедшего или настоящего времени, ср. примеры (5–6) и (7–9) соответственно.

- (5) *И, обратно **приехав**, он, Каин, в сумерки з девкою, и фабричным, и з женою ево к Бодвику, и в том доме он, Каин, с оною девкою чинил блудное дело, а про то никто не знал.* (Копия с расспроса Каина об увозе им дочери солдата Федора Тарасова (1749))
- (6) *А для добытия Динаменд-шанца **отправив** генерала-магора Бука в 2000 человек.* (А. М. Макаров (ред.). Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) (1698–1721))
- (7) *Зная при том строгость законов его султанского величества в подобных случаях, я на сей раз **довольствуюсь** тем, чтобы виновники для примера были строжайше наказаны и чтобы приняты были меры к поиску остальных товарищей их, укрывающихся на острове.* (Ф. Ф. Ушаков. Письмо адмиралу Кадыр-бею с препровождением к нему турецких моряков, задержанных за грабеж и насилия над жителями острова святой Мавры, с требованием их наказания и принятия мер к поднятию дисциплины на турецких кораблях (1798.11.05))
- (8) *Король, **видя**, что сего не для чего учить какому-либо ремеслу, потому что он и так уже совершенно искусен в кузнечном ремесле.* (Сказка о Абидаламе-королевиче (1794–1795))

³ Кроме того, результаты проведенного анализа на основе сделанной выборки являются статистически значимыми (см. раздел 3).

ДПР не закреплено за каким-либо типом предложения. Оно может быть главным сказуемым в составе одиночного простого предложения (ср. (6)), в составе союзного ССП (ср. (5)), в главном предложении СПП (ср. (7)), а также единственным сказуемым в придаточном предложении, ср. (9).

- (9) *Однакож наемцики, хотя **видя**, что для [бли] зости дешевле надобно взять, по многим призывам ничего [про]шлогодским уступить не хотели.* (В. Н. Татищев. Доношение Анне Иоанновне о строительстве новых заводов, покупке меди у промышленников, приписке крестьян строгановых к казенным заводам и по другим вопросам (1735)).

То, что появление ДПР не зависит от типа предложения, констатирует и (Коротаева, 1959), приводя большое количество примеров из текстов XVII–XVIII вв.

Доля употреблений ДПР в качестве независимого сказуемого от всех нестандартных употреблений составляет 20% в первой половине XVIII в., и 13% – во второй. Уменьшение частотности абсолютно закономерно, если учесть невозможность такого использования ДПР в более позднее время.

Функционирование ДПР в качестве самостоятельного сказуемого являлось характерной особенностью еще древнерусского синтаксиса⁴ (см., например, (Потебня, 1958/1888; Истрина, 1923)), ср. (10–11).

- (10) ИЛ л. 124 *И пришедь Изяславъ Мьстиславичъ къ Киеву, и бѣ Игорьъ разболѣлся в порубѣ и бѣ боленъ велми.*
‘И пришел Изяславъ Мстиславич в Киев, а Игорь разболелся в темнице и был очень болен’.
- (11) ИЛ л. 159об. *Изяславичъ Мьстиславъ ведучи въ помощь отцю своему Угры, и слыша **Володимер Галичскыи**, оже идетъ Мьстиславъ Изяславичъ.*
‘Мстислав Изяславич вел угров на помощь отцу, и Владимир Галицкий услышал, что идет Мстислав Изяславич’.

Таким образом, в отношении языка к. XVIII в. употребление ДПР в функции самостоятельного сказуемого можно считать отживающим явлением, как это и делают исследователи языка данного периода (Коротаева, 1959; Виноградов & Шведова, 1964; Абдулхакова, 2007). Тем не менее, нельзя согласиться с (Абдулхакова, 2007, с. 169), что обсуждаемое употребление ДПР на протяжении всего века «чаще встречалось в поэтической речи <...> для поддержания стихотворного ритма». Значительная часть контекстов 1-ой п. XVIII в. приходится на тексты, отражающие реальное словоупотребление: протоколы допросов, дневниковые записи, частные письма. Следовательно, если ДПР как сказуемое в начале века и было исчезающим явлением, оно все равно было известно живому языку. К к. XVIII в. ДПР чаще встречается в официальных документах и записках, однако фиксируется и, например, в сказках (см. (8)).

⁴В отношении древнерусского периода корректно говорить, конечно, не о ДПР, а о причастии. Вопрос о времени становления деепричастия окончательно не решен (литературу по этой теме, а также обсуждение данной проблемы см. в (Ермолова, 2023)). В настоящей статье условимся термином ДПР называть как ДПР в современном смысле, так и древнее причастие, употребленное в качестве сказуемого.

2.2 Тип 2: ДПР как второе сказуемое, соединенное сочинительным союзом с финитной формой

ДПР на всем протяжении XVIII в. могло употребляться в качестве сказуемого, соединенного сочинительным союзом с финитной глагольной формой и таким образом, как и в предыдущем типе, выступать аналогом формы прошедшего или настоящего времени. Чаще всего ДПР стоит в препозиции к финитной форме и соединяется с ней с помощью союза *и* (см. примеры (12–13)), однако встречается и в постпозиции (см. примеры (16–17)), в качестве же союза может выступать и противительный союз *а* (см. примеры (14–15)). Последние два подтипа контекстов свидетельствуют о том, что в рассматриваемых конструкциях ДПР выступает синтаксическим синонимом финитной глагольной формы, «и деепричастие <...> и глагол действуют почти одинаково» (Коротаева, 1959, с. 70), а *и* является именно союзом, а не усилительной частицей. Обратимся к примерам (12–17).

- (12) *Махмут-эфенди тогда же, **объявля** мне об оном, и ныне тоже **объявляет**, что со оных писем и его требованию он представил Блистательной Порте Оттоманской, следовательно, об оном известно.* (Ф. Ф. Ушаков. Письмо В. С. Томаре об интригах и враждебных замыслах Али-паши Янинского и необходимости предупреждения об этом турецкого правительства с целью предотвращения нежелательных последствий (1799.03.05))
- (13) ***Показуя** он, король польской, склонность свою к Речи Посполитой и, дабы жалобы их отворотить, по желанию их **велел** саксонским своим войскам из королевства Полского в Саксонию на время отойти...* (А. М. Макаров (ред.). История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) (1698–1721))
- (14) ***Выпив** половину рюмки, а другую **вылил** в платок *и*, притворясь пьяным, упал со стула прямо к ногам королевы...* (Сказка о Вихоре-королевиче (1794–1795))
- (15) *...когда идоль изрядную голову **имгвѣ**, а оную голову потеряетъ, или сронитъ, то, по томъ оставшейся болванъ весьма красоты своѣя и пригожства лийит-ся...* (Юности честное зеркало, или Показаніе къ жітейскому обхожденію (1717))
- (16) *Между тем мужики мнимого своего червяка благополучно **притащили** к реке и, **бросив** между собою жребий, кому достанется переплыть с веревкою на другой берег.* (Сказка о старушке и ее сыне (1794–1795))
- (17) *И он, Каин, взяв с собою свою епанчу лисью, да шапку свою ж кунью, надел на нее, чтоб не признали, а сам, взяв шапку у фабричного Савельева, **пошел** вперед и, **дождався** ее у Никицких ворот у извоица, и оная Аграфена и пришла к нему (Копия с расспроса Каина об увозе им дочери солдата Федора Тарасова (1749))*

В (Котков & Попова, 1986, с. 67), где анализируется языковой материал XVII в., отмечается, что «возможность соединять причастные части с глагольной с помощью союзов» «указывает на достаточную самостоятельность оборотов с именным действительным причастием».

Такое употребление ДПР известно с древнерусского периода. Вопрос о степени самостоятельности ДПР при таком использовании остается открытым. Так, А.А. Потебня считает ДПР в обсуждаемой функции подчиненным членом простого предложения и называет его «второстепенным сказуемым» (Потебня, 1888/1958, с. 191). В (Дмитриева, 1963, с. 15), например, отмечается, что в ряде случаев «причастие может быть

понято как одно из однородных сказуемых».⁵ Приведем примеры (18–19) из древнерусского.

- (18) ИЛ л. 216 *слышав же Всеволодъ. аже прислать Стѣславъ снѣ своего. помагая зати свомоу. и позва и к (ѣ)обѣ.*
 ‘Всеволод же, слыша, что Святослав прислал своего сына, помогая своему зятю, позвал его к себе’.
- (19) *НПЛ.мл. 1328 г. и отпусти я цесарь, и повелѣвъ искати князя Александра.*
 ‘И отпустил их цесарь, повелев разыскивать князя Александра’.

Таким образом, способность ДПР употребляться в качестве однородного сказуемого при глагольном сказуемом, как и тип 2.1, где ДПР является единственным предикатом, идет еще из древнерусского периода. В 1-ой п. XVIII в. доля таких контекстов от всех нестандартных употреблений составляет 34%, во 2-ой половине частотность, как и в типе 2.1, ожидаемо (учитывая отсутствие таких употреблений в современном языке) снижается и составляет 9%. Как и в 2.1, ДПР в обсуждаемой функции употребляется в текстах, в которых едва ли можно предполагать намеренную архаизацию языка: сказках, протоколах допросов, дневниковых записях. Следовательно, можно констатировать, что данная особенность использования ДПР в XVIII в. была известна реальному словоупотреблению.

2.3 Тип 3: ДПР, соединенное сочинительным союзом с формой повел. накл./инфинитива/буд. вр

Если в предыдущих двух типах ДПР по своему функционированию приближалось к финитной глагольной форме, выступая в качестве либо единственного сказуемого, либо сказуемого, однородного при финитной форме прошедшего или настоящего времен, то в данной группе ДПР употребляется как обстоятельство при формах инфинитива (пример (20)), повелительного наклонения (пример (21)) или будущего времени (пример (22)), соединяясь с ними с помощью сочинительного союза *а* или *и* (замена на финитную форму прошедшего или настоящего времен невозможна).

- (20) *Ежели же кто явится в великой вине, то оного взяв под караул, а на его место определить иного, кого пристойно, и по тому быть до указа Горного начальства.* (В. Н. Татищев. Наказ комиссару екатеринбургских заводов Федору Неклюдову (1723))
- (21) *Все оное осмотря и определи по лучшему вашему искусству и должной к е. и. в. верности...* (В. Н. Татищев. Письмо А. Ф. Хрущову (1735))
- (22) *По первомъ комплиментѣ, весь дискурсъ съ ними кончится, за тѣмъ что они въ начальномъ разговорѣ, такъ скоро поскачутъ, какъ Неаполитанскія лошади; а потѣмъ вдругъ остановясь и замолчатъ.* (С. С. Волчков. Придворной челоуѣкъ [перевод книги Грациана с французского] (1742))

В исследованном материале таких контекстов встретилось немного (причем 4 употребления из 8 приходятся на тексты В.Н. Татищева): в 1-ой п. XVIII в. они составляют 4% от всех нестандартных употреблений, во 2-ой п. века они вообще отсутствуют. В

⁵Больше литературы по этой теме см., например, в (Ермолова, 2023).

отличие от первых двух типов 2.1 и 2.2., данный тип не зафиксирован в текстах древнерусского периода. Старейшие примеры, которые обнаруживаются в научной литературе, датируются XV в., ср. пример (37) из (Потебня, 1888/1958, с. 196) из Псковской первой летописи.

- (23) 222 *И вы, написавъ грамоту, да пошлите ко мнѣ*
‘И вы, написав грамоту, пошлите мне’.

По данным (НКРЯ), в берестяных грамотах зафиксирован всего один подобный пример (24) начала XV в.

- (24) *а ты самѣ ѿпраздновавъ да поѣдь* Бер. Гр. №19 1410–1420 гг.
‘А ты сам, отпраздновав, поезжай’.

В древнерусском подкорпусе такие примеры нами не выявлены.⁶ При этом в памятниках, отражающих живой язык XVII в., такие контексты встречаются регулярно, ср., например, (25) из материала грамоток (частных писем) XVII – начала XVIII в., рассмотренный в (Ермолова, 2023).

- (25) Гр. с. 83 *и от Миколы собравъ да свесите.*
‘И забрав у Миколы, увезите’.

Таким образом, рассматриваемое употребление ДПР для XVIII в. является, конечно, уходящим явлением, продолжающим, однако, не древнерусскую, а старорусскую традицию. Отсутствие подобных примеров в древнерусском и рост их числа в XVI–XVII вв. (см. Ермолова, 2023) говорит о начавшейся в среднерусский период спецификации у ДПР обстоятельственной семантики. Об этом свидетельствует и появление в старорусском контекстов, в которых ДПР соединяется с помощью сочинительного союза с существительным с предлогом, выполняющим роль обстоятельства, ср. примеры (26–27) из XVIII в. (примеры из XVII в. см. в (Коротаева, 1959, 70–71)).

- (26) *Ничто не слаживалось в кабинете, все брать надлежало с бою и пролив моря крови.* (И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году моей жизни / Часть 4 / 1799–1806 (1799–1822))
- (27) *Благословляя бога за свое состояние, он с чувствительностью и прослезясь говорил о бедствии, которое терпел народ в бывший недород три года тому назад.* (А. Н. Радищев. Записки путешествия в Сибирь (1790))
- (28) *Ежели же кого не осмотряшь и не по указу отошлете к пытке или явно накажете, за оное взято будет безчестия их вчетверо или, по обстоятельству дела, сами чести, имения или и живота лишены будете по определению судебного печатного процесса.* (В. Н. Татищев. Наказ комиссару екатеринбургских заводов Федору Неклюдову (1723))

Наличие союза между ДПР и формой повел. накл., инфинитива или буд. вр., по всей видимости, надо объяснять сохраняющейся до определенного периода предикативностью ДПР. В XVIII в. примеров с союзным соединением уже очень мало, в 1-ой

⁶По запросу «Слово 1: V & nom & past & partcp & act; Слово 2: CONJ на расстоянии 1от Слова 1; Слово 3: V & impreg на расстоянии 1от Слова 2» и аналогичному запросу на соединение причастия с инфинитивом.

половине века это всего 4%, что закономерно: спецификация обстоятельственного значения в таких контекстах влекла за собой утрату предикативных свойств.

2.4 Тип 4: ДПР в предикации, обстоятельственной по смыслу, присоединенной с помощью сочинительного союза к следующему предложению

В проанализированном материале обнаруживается ряд контекстов, в которых причастная предикация, присоединенная к следующему предложению с помощью сочинительного союза, имеет ярко выраженное обстоятельственное значение. Формальные субъекты обеих клауз могут как различаться, так и совпадать. Таким образом, по формальному признаку рассматриваемые в данном разделе примеры совпадают либо с типом 2.1 (где ДПР выступает как самостоятельное сказуемое), либо с типом 2.2 (где ДПР выступает как однородное с глагольным сказуемым); отличает их семантическая зависимость от соседнего предложения. Рассмотрим примеры (29–32).

- (29) *Этого я страшился и убегал всеми силами, а потому, **избрав** в жены женщину благородную, летами не слишком молодую, мать троих детей, опытную в хозяйстве, рассудительную и любезную, и ею сам Бог ниспослал мне надежнейшее средство препроводить остальные дни жизни в тишине домашнего сообщества и облегчить бремена старости. (И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году моей жизни / Часть 4 / 1799–1806 (1799–1822))*

Как кажется, предложение логичнее понимать как ‘Выбрав в жены женщину благородную, Бог ею ниспослал мне надежнейшее средство препроводить остальные дни жизни в тишине домашнего сообщества’, а не ‘Бог (я?) выбрал в жены женщину благородную, и ею сам Бог ниспослал <...>’.

- (30) *Мы и до сих пор чудом почитаем, что **будучи** все разных служб и судьба нас не разлучает! (А. А. Баратынский. Письма (28.05.1798))*

Здесь деепричастная предикация имеет очевидное уступительное значение: ‘Мы и до сих пор считаем чудом, что, хотя мы все на разных службах, судьба нас не разлучает’ а не ‘Мы и до сих пор считаем чудом, что мы все на разных службах и судьба нас не разлучает’.

Если в рассмотренных контекстах (29–30) теоретически можно допустить двоякую интерпретацию деепричастной предикации (как независимой, так и как зависимой), а ДПР функционально заменяется финитной формой, то в следующих примерах (31–32) интерпретация деепричастной клаузы как самостоятельной невозможна, замена ДПР приведет к бессмыслице.

- (31) *И как там в последовавшие веки великое богатство обретоно, что свидетельствуют славные миснийские и герцинские заводы, так и в России того же ожидать должно, а особливо **имея** к тому не токмо довольные опыты, но и очевидную прибыль. (М. В. Ломоносов. Слово о пользе химии, в публичном собрании императорской Академии Наук сентября 6 дня 1751 года говоренное Михайлом Ломоносовым (1751))*

‘<...> и в России следует ожидать того же, особенно потому, что у нас для этого есть и достаточно опыта, и очевидная выгода’. Интерпретация, при которой деепри-

частная предикация будет заменена не на придаточное причины, а на независимое простое предложение, приведет к абсурду: ‘<...> и в России следует ожидать того же, а особенно мы имеем для этого достаточно опыта <...>’.

- (32) *Сообразуясь с тем, и можете подойти в такую дистанцию, как лучше, если не будете поступать решительно.* (Ф. Ф. Ушаков. Ордер А. А. Шостаку о следовании с фрегатами «Григорий Великия Армении» и «Счастливый» к острову Занте для освобождения его от французов (1798.10.10))

‘Сообразуясь с этим (со всем вышесказанным), вы можете отойти на такую дистанцию, как будет лучше <...>’. Фраза ‘Вы сообразуетесь с этим (со всем вышесказанным) и можете отойти на такую дистанцию, как будет лучше <...>’ бессмысленна. В современном языке мы бы вместо *сообразуясь с* употребили бы предлог *исходя из*, произошедший от ДПР (о переходе ДПР в предлоги см. (Шапиро, 1964; Birzer, 2010)).

Рассмотренные примеры демонстрируют, таким образом, сочетание старого синтаксиса, когда ДПР могло выступать в качестве самостоятельного сказуемого, с начинающим формироваться новым грамматическим значением ДПР – обстоятельства при сказуемом главного предложения. Естественно, количество таких примеров на протяжении XVIII в. будет убывать (в 1-ой половине века они составляют 5%, во 2-ой – 1%), уступая место конструкциям с подчинительным союзом или бессоюзному соединению деепричастной предикации с главным предложением (см. 2.5 и 2.6).

2.5 Тип 5: деепричастная предикация, присоединенная к главной с помощью средств, обычных для придаточного предложения

Отдельную группу составляют контексты, в которых деепричастная предикация присоединяется к главной предикации с помощью средств, обычных для сложноподчиненных предложений, т.е. ведет себя как придаточное предложение.

Чаще всего в нашем материале средством связи является коррелятивный союз *то*, который «при выдвинутом вперед придаточном предложении» начинает главное (Булаховский, 1869/1958, с. 397). Такое употребление *то*, чуждое современному языку, устанавливается в XVIII в. и держится до первых десятилетий XIX в. (Булаховский, 1869/1958, с. 397). Деепричастный оборот в контекстах с *то* «равнозначен придаточному предложению обычно со значением причины» (Виноградов и Шведова (ред.), 1964, с. 392), ср. (33–35).

- (33) *При первом свидании с кем бы то ни было я никогда не лгу, а разве уже довольно спознавшись, то дело бытовое.* (М. Д. Чулков. Пересмешиник, или Славенские сказки (1766–1768))
- (34) *В том же докладе он, г. генерал-губернатор, объясняет, что, разделяя пятую часть объезчиков надзирателей в силу 5 статьи указа о таможенной страже, то при таможене не останется ни одного человека, и полагает иметь при таможене еще 5-ю часть объезчиков.* (А. Н. Радищев. [О таможенных обрядах] (1783))
- (35) *Например, возьму скотину, овцу, и посмотря на ее начало жизни, то вижу, что как скоро ягненок родится, не показывает ему мать титьки, не кладет оной в рот, не прыщует молока, чтоб научился сосать, природа бо его научила.* (В. Н. Татищев. Разговор дву приятелей о пользе науки и училищах (1733))

Деепричастная предикация может присоединяться к главной с помощью союза *хотя*, выступая таким образом в функции придаточного уступительного. В нашем материале встретился один такой пример, ср. (36) (больше примеров см. в (Виноградов и Шведова (ред.), 1964, сс. 392–393)).

- (36) *Немалой въ томъ разумъ, чтобы подь образомъ похвалы, прельстить мнѣніе, въдая что слава сслѣляя очи, силою себя всему свѣту внушаетъ, которой слыша что многія хвалятъ, то и онъ тудыжъ **хотя** временемъ не **разсудя**, однако свою похвалу присовокупляетъ.* (С. С. Волчков. Придворной челоувѣкъ [перевод книги Грациана с французского] (1742))

Рассмотренные контексты являются порождением XVIII в. В XVII в. они не фиксируются исследователями, занимающимися синтаксисом ДПР (см. Кортова, 1999; Коротаяева, 1959; Котков & Попова, 1986; Ермолова, 2023); кроме того, как было сказано выше, само употребление *то* в функции связи придаточного предложения с главным распространяется в XVIII в. (Булаховский, 1869/1958, с. 397). Появление союза, обычного средства связи для главного и придаточного предложений, связано с превращением деепричастной предикации в зависимую не только на семантическом уровне (как в 2.5), но и формальном. В то же время наличие союза свидетельствует о сохраняющейся предикативности ДПР, которая позволяет деепричастной клаузе функционировать как предложению и присоединяться к главной предикации с помощью средств, обычных для предложений.

Доля обсуждаемых примеров не меняется на протяжении XVIII в. и составляет 6%.

2.6 Тип 6: деепричастный оборот, в котором субъект действия деепричастия не совпадает с субъектом действия глагола-сказуемого

К данной группе были отнесены контексты, в которых мы имеем дело с деепричастным оборотом в современном смысле с той разницей, что субъект действия ДПР не совпадает с субъектом действия глагола-сказуемого, как это происходит в СРЛЯ. Рассмотрим примеры (37–39).

- (37) *Так говорила нянюшка, а **хлебнув** одну ложку, столь приятной показалась ей похлебка, что она и в другой раз прихлебнула, потом и в третий.* (Сказка о царевиче Артобазе Хиразовиче — сильном, могучем богатыре (1794–1795))
- (38) *Из нашей же фамилии Простаковых, смотри-тка, на боку лежа, летят себе и чины.* (Д. И. Фонвизин. Недоросль (1782))
- (39) *А приехав в Москву, учинен был розыск о помянутом стрелецком бунте чрез 6 недель, и по заслуге того зла бо́льшая часть их казнены, а протчия в Сибирь посланы.* (А. М. Макаров (ред.). Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) (1698–1721))

Древнерусские тексты отражают рассматриваемый тип употребления ДПР, хотя он встречается относительно редко (см. (40)). В анализируемом в (Ермолова, 2023) материале XVII в. встретился всего один подобный пример (41). Частотность таких конструкций стремительно возрастает именно в XVIII в. (с 21% до 63% в нашем материале).

- (40) НПЛ мл. [6638] *Того же лѣта, **идуци** изъ заморья гость, потопе лодѣи 7: и сами истопоша и товаръ, а друзии вылѣзоша, нь нази* (пример цитируется

по (Сахарова, 2007, с. 270); замечания о текстологии контекста см. (Сахарова, 2007, с. 270))

‘В тот же год купцы шли из-за моря и потонули 7 кораблей: и сами потонули, и товар, а другие спаслись, но без всего’.

- (41) Гр. с. 121 *а з поездеу **приехавши** буде нас не втпустят домов и твоя млсть гедрь батюшка пожалуйте присылайте запасу с людми как люди будут посылат.*

‘А, когда мы приедем со сбора податей, если нас не отпустят домой, пожалуйста, государь батюшка, присылайте налог с людьми, по мере того как они будут его присылать’.

Рост обсуждаемого типа примеров в XVIII в. чаще всего связывают с растущим влиянием французского языка, знающим такое употребление причастий (см. Булаховский, 1958, с. 400; Виноградов и Шведова (ред.), 1964, с. 397). Представляется, однако, что увеличение контекстов, в которых субъекты действия ДПР и глагола-сказуемого различаются, связано с внутриязыковыми причинами: на протяжении XVIII в. за ДПР закрепляется обстоятельственное значение, однако древняя способность ДПР иметь при себе собственный субъект еще не утрачивается окончательно (подробнее см. раздел 3). В пользу такой интерпретации говорит факт наличия подобных примеров в текстах, далеких от французского влияния (ср., например, деепричастный оборот в примере (38) в речи Простаковой, не знавшей французского языка), а также сегодня в малограмотной речи (ср., например (Добрушина, 2004)). Контексты с таким употреблением ДПР в русской народной речи – из былин, духовных стихов и пр. – приводятся в (Буслаев, 1869/1959), ср. (42–43).

- (42) Древн. русс. стих. 182 *Оседлавши он Еким добрых коней, наряжаются они ехать ко городу ко Киеву.*

- (43) Дух. Стих. Кал., I, 525 *не дошедши она до синя моря, налетал Змеице Горынице.*

В отдельную группу авторы, исследующие функционирование ДПР в XVIII–XIX вв., выделяют контексты с географическими описаниями из путевых заметок, видя в них несомненное влияние французского языка (см. (Виноградов и Шведова (ред.), 1964, с. 401; Эгипти, 2002, с. 171)), ср. примеры (44–46), приводимые в (Виноградов и Шведова (ред.), 1964, с. 401).

- (44) ***Проехав** немного, справа монастырь навис под горою и прилеплен в горе* (А. Грибоедов, Пут. Зап., VII)

- (45) ***Переехавши** Иртыш, на самом берегу реки, на высоте расположен город Каинск* (М. Пущин, Из дневн. 1826 г.)

- (46) ***Пройдя** таким образом немного более двух верст, слышится что-то похожее на шум падающих вод* (Лерм., Вадим, XVIII).

В (Эгипти, 2002) анализируется язык А.Н. Радищева. Примеры из его творчества встретились и в нашем материале. Рассмотрим их, а также некоторые контексты, зафиксированные у других авторов XVIII в.

- (47) ***Переехав** несколько увалов, дорога вступает в Барабинскую степь*. (А. Н. Радищев. Записки путешествия из Сибири (1797))

- (48) *Спустяся, лес по местам с пашиною попеременно, и селения везде частые.* (А. Н. Радищев. Записки путешествия из Сибири (1797))
- (49) *А сам генерал и фельдмаршалк изволил идтить с полками в правую сторону от озера под Мензову мызу, и не дошед до мызы 15 верст на дороге был их немецкий отъезжий караул, и конные государевы полки караул их немецкий порубили и языков побрали.* (И. А. Желябужский. Дневные записки (1682–1709))
- (50) *Подъезжая к Белеву, сделался мне прелютейший обморок.* (Д. И. Фонвизин. Отрывки из дневника четвертого заграничного путешествия (1786–1787))

Хотя авторы (Виноградов и Шведова (ред.), 1964; Эгипти, 2002) настаивают на влиянии французского синтаксиса в подобных случаях, как кажется, причины такого употребления кроются в процессах, происходивших непосредственно в русском языке. Так, множество аналогичных примеров обнаруживается, например, в отказных книгах XVII в., ср. примеры (51–52) из (Котков & Попова, 1986, с. 7) (другие примеры см. в (Буслаев, 1869/1959, с. 536)).

- (51) *Выехав ис чецу из дубровки на Большою поляну на вдномъ корени стоят два дуба,* Южн. отк. 12.
 ‘При выезде из леса на Большую поляну (выехав из леса) стоят два дуба, растущие из одного корня’.
- (52) *По левои сторонѣ той дороги свернув в сторону стоит дуб толсть на нем* гран, Южн. отк. 205.
 ‘Если свернуть в сторону (свернув в сторону), по левой стороне той дороги стоит толстый дуб, на нем засечка’.

(Котков & Попова, 1986) видят у ДПР функцию обозначения действия, которое осознается как выполняемое неким обобщенным лицом, кем угодно» (Котков & Попова, 1986, с. 72). Представляется, что здесь можно видеть и сближение функции ДПР с предложной: выехав из чащи / при выезде из чащи / рядом с чащей, подъезжая к городу / при подъезде к городу / у города. Истории русского языка в принципе известен переход деепричастий в предлоги, ср. *исключая что-либо, несмотря на, начиная с, спустя* и др. (например, Шапиро, 1964; Birzer, 2010 и др.). Возможно, ДПР, образованные от глаголов передвижения, также могли грамматикализироваться в предлог, однако этот процесс не был осуществлен.

2.7 Тип 7: конструкции с подлежащим внутри деепричастного оборота

На всем протяжении XVIII в. в предложениях с деепричастной предикацией, присоединенной бессоюзно к главной, внутри предикации при ДПР может стоять подлежащее, при этом субъекты ДПР и глагола-сказуемого могут как различаться (53), так и совпадать (54).

- (53) *Корабельщики, увидя таких прекрасных молодцов, любопытство побудило их посмотреть не их товаров, но самих их, почему направили ход корабля к тому острову и, взошед на оный, удивлялись им несказанно, а между тем и смотрели убитых ими зверей.* (Сказка о Труде-королевне (1794–1795))
- (54) *Заняв они редут нашими войсками и выбрав удобное место в ближайшем от крепости Анконы и гавани расстоянии, построили для тяжелых орудиев батареи.* (Ф. Ф. Ушаков. Рапорт Павлу I о блокаде Анконы и взятии крепости Фано (1799.11.15))

Контексты типа (53) с различающимися субъектами в настоящей работе были отнесены к предыдущему типу 6. В данном разделе рассмотрим примеры с совпадающими субъектами: в них деепричастный оборот употребляется, практически как СРЛЯ, с той разницей, что подлежащее стоит внутри него, а не при глаголе-сказуемом.

- (55) *Приезжали из дальних королевств, но она делала им такие загадки, которых они не умея решить, возвращались в свое королевство с великим стыдом.* (Сказка о Вихоре-королевиче (1794–1795))
- (56) *В нынешнем 1731м году генваря 28 дня будучи де они в полских местечках уведистись от тамошних жителей и от стоящих по Днестру полских хоронг от жолнеров что де в местечках в Бару и в Жванце и в Хотине моровое поветрие прекратилось.* (Экстракт из допросных речей киевских рейтар Ивана Шидловского Степана Нелекаева (1731))

В (Виноградов и Шведова (ред.), 1964, с. 394) говорится, что такие примеры «встречаются преимущественно в стихах», причем порядок слов с подлежащим внутри деепричастного оборота «в прозе был редок даже в конце XVIII в. и воспринимался как крайне искусственный». Такой точки зрения придерживается и (Абдулхакова, 2007, с. 169). В нашем материале, однако, такие примеры встретились в текстах, в отношении которых едва ли можно допустить проведение специальной стилистической правки: в рапортах, допросах, сказках. Кроме того, подлежащее при деепричастии могло употребляться и в прозе первой половины XIX в., далекой от архаизации: в записках, письмах, воспоминаниях. Такой порядок слов встречается и у позднего А.С. Пушкина, ср. (57–59).

- (57) *В городе Казани: **Ворвавшись они** в город и входя во храмы божии в шапках, со оружием, грабили и выгоняли укрывающихся тамо людей.* (А. С. Пушкин. История Пугачева (1833))
- (58) ***Приняв он** меня от сержанта, несказанно обрадовался и, не чиня мне ни выговоров, ниже угроз, приказал отвести в то ж заключение, куда уже и брат мой Алексей сыскан и посажен; принужден же он содержание наше положить выгоднее, а именно давать с кухни пищу, хотя простую, но довольную; сверх того, деньгами на каждого по две копейки на день.* (Л. А. Травин. Записки (1806–1808))
- (59) ***Прочитавъ я** письма ваши, сообщенныя мнѣ Его Высоко-Преподобіемъ г. Добровскимъ, довѣдался объ томъ, что моя такъ называемая Кральодворская Рукопись въ Извѣстіяхъ Имп.* (В. Ганка. Письма А. С. Шишковой (1820–1822))

Таким образом, корпусные данные позволяют продлить хронологию употребления подлежащего при ДПР и скорректировать представления о его стилистической маркированности.

На протяжении XVIII в. доля контекстов с подлежащим при ДПР от всех нестандартных контекстов примерно одинакова: 10% в 1-ой половина и 8% во 2-ой. Обсуждаемая синтаксическая особенность является следствием бывшей предикативной самостоятельности ДПР (его способности быть главным предикатом и иметь при себе подлежащее) и из всех особенностей употребления ДПР, связанных с его архаическими функциями, держится дольше всех.

Таблица 1 Процент употребления ДПР в разных типах «ненормативных» контекстов

	1-я п. XVIII в.	2-я п. XVIII в.
Все «ненормативные» контексты	100% (183 шт.)	100% (169 шт.)
Тип 1. ДПР как самостоятельное сказуемое	20% (36 шт.)	13% (21 шт.)
Тип 2. ДПР как второе сказуемое, соединенное сочинительным союзом с финитной формой	34% (63 шт.)	9% (15 шт.)
Тип 3. ДПР, соединенное сочинительным союзом с формой повел. накл./инфинитива/буд. вр.	4% (8 шт.)	0% (0 шт.)
Тип 4. ДПР в предикации, обстоятельственной по смыслу, присоединенной с помощью сочинительного союза к следующему предложению	5% (9 шт.)	1% (2 шт.)
Тип 5. Деепричастная предикация, присоединенная к главной с помощью средств, обычных для придаточного предложения	6% (11 шт.)	6% (10 шт.)
Тип 6. Деепричастный оборот, в котором субъект действия деепричастия не совпадает с субъектом действия глагола-сказуемого	21% (38 шт.)	63% (107 шт.)
Тип 7. Конструкции с подлежащим внутри деепричастного оборота	10% (18 шт.)	8% (14 шт.)

Данные значения оказываются статистически значимы при проверке методом хи-квадрата. Значение статистического критерия хи-квадрата на данных выборках составляет 74,1; критический уровень составляет 12,6 при p -value 0,05

3 Анализ полученных данных в диахронической перспективе

Итак, выше были разобраны типы употреблений ДПР, которые отсутствуют в СРЛЯ. Частотность этих типов в 1-ой и 2-ой половинах XVIII в. представлена в таблице 1. Анализ полученных данных в диахронической перспективе и их сопоставление с древне- и старорусским материалом позволяет внести некоторые уточнения в принятые представления как о функционировании ДПР в XVIII в., так и о становлении категории ДПР на протяжении истории русского языка в целом.

1. Первые два типа контекстов в XVIII в. продолжают древнерусскую традицию употребления причастий: это использование ДПР в качестве единственного сказуемого в независимой предикации (см. 2.1) и в качестве сказуемого, соединенного сочинительным союзом с финитной глагольной формой (см. 2.2), т.е. по сути в качестве синтаксического синонима финитной формы.⁷ Безусловно, можно согласиться с тем, что перечисленные функции были «уже архаическими для этого периода» (Виноградов & Шведова, 1964, с. 374) (см. также (Корогаева, 1959, с. 85; Абдулхакова, 2007, с. 169)), однако лишь в том смысле, что их знал еще древнерусский и что XVIII в. – век их утраты. В 1-ой половине XVIII в. ДПР, употребленное как аналог финитной формы,

⁷В отношении древнерусского периода см. об этом ссылки на исследования в 2.1 и 2.2; в отношении XVI–XVII в. см. подробно (Кортава, 1999, сс. 141–142; Корогаева, 1959, с. 74; Котков & Попова, 1986, с. 67) (больше литературы в (Ермолова, 2023)), а также ср. высказывания Георгиевой о «сближении причастия с личной формой глагола» (Георгиева, 1968, с. 45), Коноваловой о ДПР как сказуемом, аналогичном глагольному (Коновалова, 1971, с. 109).

не воспринималось как устаревшее и встречалось не только в стихотворной речи, как утверждает в (Абдулхакова, 2007, с. 169). Как уже было сказано выше, в обработанном материале стихотворных примеров нет вообще, а ДПР в обсуждаемых функциях фиксируется в текстах, далеких от намеренной архаизации: в сказках, в записях судебных показаний, в дневниковых записях и т.п. Кроме того, утверждать, что ДПР как аналог финитной формы употреблялось крайне редко, как это делается в отношении языка даже XVII в. (см. ниже), представляется некорректным. Так, на типы 1 и 2 в 1-ой половине века приходится 54% от всех ненормативных употреблений – на контексты типа 6 (см. 2.6), в которых субъект ДПР в деепричастном обороте отличается от субъекта глагола-сказуемого и про которые во 2-ой половине XVIII в. исследователи пишут, что они характеризуются «относительно широкой употребительностью» и что их количество «резко увеличивается» (Виноградов & Шведова, 1964, с. 397), приходится ненамного больше – 63%.

Использование типов 1 и 2 на всем протяжении XVIII в. свидетельствует о том, что аналогичное употребление ДПР в XVII в. некорректно характеризовать как «старое и пережиточно сохранившееся» (Голубева, 1952, с. 14) и «отживающее» (Зевакова, 1954, с. 10) явление, как «сохранение языковой традиции» (Коротаяева, 1959, с. 85), «архаические конструкции» (Припадчев, 1978, с. 17), «отголоски древнерусского состояния» (Абдулхакова, 2007, с. 118); не позволяет согласиться с С.Д. Никифоровым, который обсуждаемые конструкции считает отживающими уже во второй половине XVI в. (Никифоров, 1952, с. 243) и служит дополнительным доказательством в пользу высказанной в (Ермолова, 2023) гипотезы о том, что обсуждаемое функционирование ДПР было живой чертой языка XVII в., связанной с усилением финитных свойств ДПР в старорусский период по сравнению с древнерусским состоянием (подробнее см. (Ермолова, 2023)).

Таким образом, употребление ДПР в типах 1 и 2 в XVIII в. является следствием процессов усиления предикативности ДПР в старорусском языке и продолжает, прежде всего, живую традицию использования ДПР в XVII в., которая, в свою очередь, идет из древнерусского языка, однако претерпевает ряд существенных изменений в среднерусский период.

2. Если в типах 1 и 2 ДПР ведет себя фактически как финитная глагольная форма и актуализирует свои предикативные свойства, то в типе 3 (см. 2.3), где ДПР соединяется с помощью сочинительного союза с формой повел. накл., инфинитива или буд. вр., мы имеем дело с иными тенденциями. В конструкциях типа *осмотря и определи* (ср. пример (21)) ДПР выступает в чисто обстоятельном значении («замена» на финитную глагольную форму в изъявительном наклонении здесь невозможна). Такие примеры свидетельствуют о формировании у ДПР исключительно обстоятельной семантики, что подтверждается случаями соединения ДПР с помощью сочинительного союза с существительным с предлогом, выполняющим роль обстоятельства, см. в 2.3 примеры (26–28) (*с чувствительностью и проследясь, не осматрясь и не показу*), а также появлением в дальнейшем новых наречий типа *стоя, сидя*, произошедших из ДПР (см., например, (Birzer, 2010, 114)).

Наличие союза в контекстах типа 3 следует объяснять, по-видимому, сохраняющейся у ДПР до какой-то степени предикативностью. Процесс спецификации обстоятельной семантики начался в старорусский период (см. выше 2.3 и (Ермолова, 2023)), в XVIII в. контексты типа 3 определенно являются уходящим явлением, уступая место новым типам употребления, возникающим из сочетания предикативных и обстоятельных свойств ДПР.

3. В контекстах типов 1 и 2, с одной стороны, и контекстах типа 3, с другой, проявляются два основных свойства ДПР, на основе которых будет формироваться грамматическое значение современного ДПР: это способность быть как предикатом, так и обстоятельством. Остальные типы – 4, 5, 6, где деепричастная предикация по смыслу является зависимой, имеет обстоятельственное значение и различными способами присоединяется к главной, отображают стадии становления грамматического значения современного ДПР.

Первый этап заключается в закреплении за деепричастной предикацией обстоятельственного значения. Она становится зависимой по смыслу, но синтаксически еще может оставаться самостоятельной (как это было изначально) и присоединяться к главной предикации с помощью сочинительных соединительных союзов – это тип 4 (см. 2.4), ср. пример (32): *Сообразуясь с тем, и можете подойти в такую дистанцию, как лучше, если не будете поступать решительно*. Частотность таких контекстов на протяжении XVIII в. ожидаемо снижается и приближается к 0%, т.к. деепричастная предикация теряет свою былую самостоятельность.

На втором этапе семантическая зависимость деепричастной предикации начинает выражаться формально – сочинительный союз заменяется на подчинительный (чаще всего это союз *то*) – это тип 5 (см. 2.5), ср. пример (33): *При первом свидании с кем бы то ни было я никогда не лгу, а разве уже довольно спознавши, то дело сбытое*.

И на первом, и на втором этапах ДПР выступает как сказуемое простого предложения, при этом предикативная самостоятельность ДПР снижается: на первой стадии оно сказуемое независимого предложения, на втором – сказуемое зависимого предложения.

На третьем этапе деепричастная предикация перестает быть предложением: исчезают формальные средства связи деепричастной предикации с главной. Для выражения обстоятельственного зависимого значения становятся ненужными формальные средства, т.к. его начинает выражать само ДПР, за которым закрепляется грамматическое значение глагольного обстоятельства. При этом бывшая предикативная самостоятельность ДПР позволяла ему иметь при себе субъект, который отличался от субъекта главной предикации – см. тип 6 (раздел 2.6), ср. пример (38) *Из нашей же фамилии Простаковых, смотри-тка, на боку лежа, летят себе и чины*. Принимая во внимание историю развития ДПР и наличие предыдущих типов контекстов, логичным кажется сделать вывод о том, что примеры типа 6 являются не галлицизмами, как принято считать (см. Булаховский, 1958, с. 400; Виноградов и Шведова (ред.), 1964, с. 397;⁸ Эгипти, 2002, с. 171), а закономерным этапом в становлении современного грамматического значения ДПР, обусловленным внутриязыковыми причинами. Об этом свидетельствует и возможность употребления разных субъектов при ДПР и глаголе-сказуемом в современных диалектах, ср. (60) (пример из (Ермолова, 2022, 257)), а также в современной неграмотной речи, ср. ошибки в школьных работах типа *Проходя под домом, на меня чуть не свалилась сосулька* (Решу ЕГЭ), причина появления которых, очевидно, лежит не во влиянии французского языка.

(60) *На заводе на этом работали, им давали мануфактуру*.

‘Т.к. / благодаря тому, что / в силу того, что работали на этом заводе, им давала мануфактуру’.

⁸ Впрочем, авторы пишут, что влияние французского стало возможным, т.к. «в целом такая конструкция не противоречила синтаксической системе русского языка» (Виноградов и Шведова (ред.), 1964, с. 397).

О том, что обсуждаемые конструкции получают «более удовлетворительное объяснение на почве самобытного развития русского языка», пишет (Коротчаева, 1959, с. 90).

4. Проанализированный материал позволяет утверждать, что начало формирования грамматического значения современного ДПР приходится на XVIII в. Именно в этот период уходят употребления, связанные с прежней предикативной самостоятельностью ДПР (типы 1 и 2) и появляются типы контекстов 4, 5, 6, по которым можно проследить, как деепричастная предикация теряла самостоятельность и превращалась в зависимую предикацию с обстоятельственным значением. Именно в этот период действует «тенденция к специализации деепричастных оборотов в роли обособленных обстоятельств со значением способа совершения действия или действия второстепенного по отношению к действию, названному глаголом-сказуемым»; специализация деепричастных оборотов влекла за собой «сужение их временного значения: она предполагала наличие у деепричастных оборотов относительного значения времени (т.е. отсчитываемого от момента действия, выраженного сказуемым)» и выход «из употребления деепричастных оборотов с абсолютным значением времени, т.е. таких, в которых действие, выраженное деепричастием, не сопоставлялось во времени с действием, выраженным сказуемым» (Виноградов & Шведова, 1964, с. 378). Процесс формирования ДПР длился долго, он не закончен до сих пор: и сегодня в неграмотной речи возможно употребление различных субъектов ДПР и глагола-сказуемого, что является реликтом того этапа, когда ДПР могло быть самостоятельным предикатом и иметь при себе собственный субъект. При этом в настоящее время ДПР (в связи с утратой предикативной самостоятельности) потеряло способность иметь при себе эксплицитно выраженный субъект, хотя еще в 1-ой половине XIX в. это было возможно, ср. (61).

(61) *Пришедши мы* домой, муж мой чрезвычайно был сердит и ни слова со мной не говорил. (А. Е. Лабзина. Воспоминания (1810))

В предложениях, в которых субъекты ДПР и глагола-сказуемого совпадают, подлежащее, употребленное при ДПР, можно встретить еще во 2-ой четверти XIX в., при этом такое употребление не было стилистически маркированным или характерным исключительно для поэтической речи, как принято считать (Виноградов & Шведова, 1964, с. 394; Абдулхакова, 2007, с. 169), см. тип 7 (раздел 2.7). Все более закрепляющаяся за ДПР функция «второстепенного действия и обстоятельства образа действия» «предполагала обособленное положение деепричастного оборота в предложении – вне связи с подлежащим и вблизи от сказуемого» (Виноградов & Шведова, 1964, с. 395).

5. На протяжении всей истории русского языка грамматическое наполнение ДПР (в древнейший период – краткого причастия) менялось. Эта форма не была закреплена в глагольной системе и в силу своей амбивалентности, сочетания предикативных и атрибутивных свойств могла в разные периоды служить для выражения различных формирующих новых грамматических значений. Как показано в (Ермолова, 2023) на материале действительных причастий прошедшего времени⁹ в старорусский период, в связи с перестройкой глагольной системы и формированием нового грамматического значения нейтрального прошедшего времени, причастия усиливают свои финитные свойства и получают возможность выступать аналогами форм прошедшего времени, в том числе образуя сослагательное наклонение с помощью частицы *бы*, ср. (62).

⁹ Судя по всему, этот же процесс характеризовал и краткие причастия настоящего времени, однако этот вопрос требует отдельного изучения.

- (62) Гр. с. 230 *кабы я сеи случаи дазнал то бы я і всть дгъло покиня.*
 ‘Если бы я узнал об этом случае, то я бы все дело оставил’.

Однако ДПР в этой функции не закрепилось в русском языке, т.к. ее на себя взяла -л-форма.

Сочетание предикативных и атрибутивных свойств дало возможность использовать ДПР для выражения результитивного значения, которое грамматикализовалось в ряде говоров, ср. т.н. «новый» перфект типа *я пришедши* (см., например, (Кузьмина & Немченко, 1971; Трубинский, 1984; Wiemer & Giger, 2005) и др.).

Начавшаяся в среднерусский период спецификация обстоятельственного значения (см. 2.3) привела к формированию из ДПР ряда наречий (ср. *сидя, стоя, лежа* и др.) и предлогов (ср. *благодаря, несмотря на, исходя из* и др.) (см. Birzer, 2010).

Наряду с перечисленными процессами на базе ДПР могла сформироваться форма, специализирующаяся на выражении глагольного обстоятельства, что и начинает происходить в XVIII в. О том, что грамматически это значение за ДПР закрепляется лишь в XVIII в., свидетельствует возникновение контекстов типов 4 и 5, которые не появились бы, если бы грамматическая семантика ДПР в XVIII в. (пусть даже в ряде контекстов) равнялась современной.

Таким образом, формирование ДПР с современным грамматическим значением не связано непосредственно с процессом утраты кратким причастием согласования с субъектом в роде и числе (что, по всей видимости, было связано с увеличивающейся предикативностью причастий), как полагают многие исследователи (Потебня, 1888/1958, с. 186; Дмитриева, 1963, с. 14; Никифоров, 1952, с. 260), датируя этот процесс от XIV до XVI вв.

6. В заключение коснемся частного вопроса о том, как М.В. Ломоносов в своей грамматике интерпретирует контексты типа 6, где субъекты при ДПР и личной форме глагола различаются. Автор признает их неверными: «деепричастие должно в лице согласовываться с главным глаголом личным, на котором всей речи состоит сила: *идучи в школу встретился я с приятелем; написав я грамотку посылаю за море*», примеры типа «*идучи в школу встретился со мною приятель*», «*написав я грамотку, он приехал с моря*» трактуются как неправильные (Ломоносов, 1755, сс. 198–199). Ломоносов полагает, что эти ошибки вызваны тем, что говорящие «по свойству чужих языков деепричастия от глаголов личных лицами разделяют» (Ломоносов, 1755, с. 199). Видимо, тот факт, что ученый признает деепричастный оборот с субъектом, отличающимся от субъекта при глаголе-сказуемом, ненормативным, а также указывает, что такие обороты используются под влиянием чужих языков, послужило одной из причинной признания обсуждаемых конструкций галлицизмами. Как было показано выше (см. 2.6 и пункт 3 настоящего раздела), употребление деепричастной предикации с самостоятельным субъектом объясняется процессами, происходившими непосредственно в русском языке. Ломоносов, будучи лингвистически одаренным человеком, понял, в какую сторону развивается ДПР и сформулировал будущую норму, которая нарушается, однако, и теперь. При этом, зная иностранные языки, в которых ДПР может иметь собственный субъект, и не изучая историю ДПР, грамматист пришел к выводу, что не одобряемое им употребление спровоцировано аналогичными конструкциями на иностранных языках.

4 Заключение

Проведенный анализ позволяет заключить, что современное грамматическое значение и синтаксическое поведение ДПР как формы, обозначающей «второстепенное дей-

ствие» и «обстоятельство образа действия» с относительным значением времени, «отсчитываемым от момента действия, выраженного сказуемым» (Виноградов & Шведова, 1964, с. 378), и зависимой от сказуемого, начали формироваться в XVIII в. Именно материал XVIII в. демонстрирует примеры, отсутствовавшие в предыдущие века и позволяющие проследить становление современного ДПР. На первом этапе деепричастная предикация становится зависимой по значению, но формально остается самостоятельной, присоединяясь к предикации, главной по смыслу, с помощью сочинительного союза. На второй стадии семантическая зависимость начинает выражаться эксплицитно: сочинительный союз замещается на коррелятивный союз *то*, который в XVIII в. начинает служить средством присоединения придаточного предложения к главному. Наконец, формальные средства, указывающие на зависимость деепричастной клаузы, становятся ненужными, т.к. за ДПР закрепляется уже грамматическое значение глагольного обстоятельства. Формирование грамматического значения ДПР не завершено и сегодня, т.к. в диалектах и неграмотной речи возможно употребление ДПР с субъектом, отличающимся от субъекта при глаголе-сказуемом: такое использование ДПР связано с тем, что раньше оно могло использоваться в качестве предиката независимой предикации и иметь при себе собственный субъект.

Кроме того, наличие в первой половине XVIII в. значительного числа примеров (54% от всех нестандартных контекстов), в которых ДПР выступает как самостоятельное сказуемое или сказуемое, равносильное главному, говорит о том, что употребление ДПР в такой функции в XVII в. было не отживающим и архаичным явлением, как принято считать (см. выше), а, как это обосновывается в (Ермолова, 2023), особенностью реального словоупотребления.

Список источников и сокращений

Гр. – Грамотки XVII – начала XVIII в. Издание подготовили Н. И. Тарабасова, Н. П. Панкратова. Под ред. С. И. Коткова. Москва: Наука, 1969.

ДПР – деепричастие.

Древн. русс. стих. 182 – Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым и вторично изданные. Изд К.Ф. Калайдович, Москва: 1818.

Дух. Стих. Кал., I, 525 – Духовные стихи, по изд.: П.В. Киреевский, Русские народные песни – в «Чтениях Общества истории и древностей российских». 1848, т. VIII. П.А. Бессонов, Калики перехожие, ч. I, II, Москва: 1861.

ИЛ – Ипатьевская летопись. Полное собрание русских летописей. Т. II: Ипатьевская летопись. Москва: 1962.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. 2003–2022. Доступен по адресу: ruscorpora.ru.

НПЛ мл. – Новгородская первая летопись младшего извода по Комиссионному списку. Цитируется по изд.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Москва-Ленинград.: Изд-во академии наук СССР, 1950.

Пск. II – Псковская вторая летопись. Полное собрание русских летописей. Том. 5. Вып.2. Москва: 2000.

Южн. отк. – Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги. Изд. Подгот. С.И. Котков, Н.С. Коткова. Москва: 1977.

Declarations

Competing Interests On behalf of all authors, the corresponding author states that there is no conflict of interest.

Литература

- Абдулхакова, Л. Р. (2007). *Развитие категории деепричастия в русском языке*. Казанский гос. университет.
- Борковский, В. И., & Кузнецов, П. С. (2006). *Историческая грамматика русского языка*. КомКнига.
- Булаховский, Л. А. (1958). *Исторический комментарий к русскому литературному языку*. Гос. Учпедгиз «Радянська школа».
- Буслаев, Ф. И. (1959). *Историческая грамматика русского языка*. Гос. учпедгиз Министерства просвещения РСФСР.
- Виноградов, В. В. & Шведова, Н. Ю. (ред.) (1964). *Изменения в системе простого и осложненного предложения в русском литературном языке XX века: Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века*. (под ред. В.В. Виноградова и Н.Ю. Шведовой). Наука.
- Георгиева, В. Л. (1968). *История синтаксических явлений русского языка*. Просвещение.
- Голубева, Е. Л. (1952). *Синтаксические функции именных причастий действительного залога в памятниках письменности XVII века*. Автореф. дис... канд. филол. наук. Москва.
- Дмитриева, Л. К. (1963). *Действительные причастия, деепричастия и отпричастные формы (по материалам Псковских летописей и современных псковских говоров)*. Автореф. дис... канд. филол. наук. Л.
- Добрушина, Е. Р. (2004). Трансформации речи у поколений цифровых коммуникаций. В *Тезисы докладов VII Международной конференции «Культура русской речи» (Готовские чтения)* (с. 55–56). ИРЯ РАН.
- Ермолова, М. В. (2022). К вопросу о причастном функционировании -л-формы в истории русского языка в свете русских диалектных данных и инославянского материала. *Slověne*, 2022(1), 245–280.
- Ермолова, М. В. (2023). К хронологии утраты действительным причастием прошедшего времени предикативности в истории русского языка. *Russian Linguistics*, 47, 323–342.
- Зевакова, Л. Н. (1954). *Именные причастия действительного залога по памятникам русской письменности XVIII – начала XVIII веков*. Автореф. дис... канд. филол. наук. Л.
- Истрина, Е. С. (1923). *Синтаксические явления синодального списка I Новгородской летописи*.
- Коновалова, Л. И. (1971). Аппозитивное причастие в деловых документах XVI–XVII столетий. В *Ученые записки казанского государственного педагогического института, выпуск 97. Вопросы теории и методики изучения русского языка*. Мин-во просвещения РСФСР.
- Коротаева, Э. И. (1959). Особые случаи употребления деепричастия в литературном языке XVII–XIX столетий. В *Ученые записки ЛГУ. Серий филологический наук, вып. 55. Исследования по грамматике русского языка* (с. 60–99). Изд-во Ленинградского университета.
- Кортава, Т. В. (1999). *Московский приказный язык XVII в. как особый тип письменного языка*. Дисс....докт. филол. наук. МГУ им. М.В. Ломоносова.
- Котков, С. И., & Попова, З. Д. (1986). *Очерки по синтаксису южновеликорусской письменности XVII века*. Наука.
- Кузьмина, И. Б., & Немченко, Е. В. (1971). *Синтаксис причастных форм в русских говорах*. Наука.
- Ломоносов, М. В. (1755). *Российская грамматика*.
- Никифоров, С. Д. (1952). *Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века*. Изд-во АН СССР.
- Потебня, А. А. (1958). *Из записок по русской грамматике. Т. I–II*.
- Припадчев, А. А. (1978). *Деепричастия в южновеликорусской письменности XVII века*. Автореф. дис... канд. филол. наук. Воронеж.
- Сахарова, А. В. (2007). *Синтаксис и прагматика причастного оборота в древнерусской летописи: критерии распределения предикаций на причастные и финитные в комиссионном списке Новгородской первой летописи*. Дисс...канд. филол. наук. М.
- Стеценко, А. Н. (1972). *Исторический синтаксис русского языка*. Высшая школа.
- Трубинский, В. И. (1984). *Очерки русского диалектного синтаксиса*.
- Шапиро, А. Б. (1964). *Изменения в глагольных формах*. В В. В. Виноградова & Н. Ю. Шведовой (ред.), *Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Глагол, наречие, предлоги и союзы в русском литературном языке XIX века* (с. 148–185). Наука.
- Шведова, Н. Ю. (ред.) (1980). *Русская грамматика. Т.1, т. 2.* (гл. ред. Н.Ю. Шведова). Наука.
- Эгипти, И. А. (2002). *Свободные и несвободные причастные и деепричастные конструкции в русском литературном языке второй половины XVIII в.* Дисс...канд. филол. наук. Петрозаводск.
- Babby, L. H., & Franks, S. (1988). The syntax of adverbial participles in Russian revisited. *Slavic and East European Journal*, 42(3), 483–515.
- Birzer, S. (2010). *Русское деепричастие. Процессы грамматикализации и лексикализации*. Verlag Otto Sagner.
- Wiemer, B., & Giger, M. (2005). *Resultativa in den nordslavischen und baltischen Sprachen (areale und grammatikalisierungstheoretische Gesichtspunkte)*. LINCOM Europa.

Publisher's Note Springer Nature remains neutral with regard to jurisdictional claims in published maps and institutional affiliations.

Springer Nature or its licensor (e.g. a society or other partner) holds exclusive rights to this article under a publishing agreement with the author(s) or other rightsholder(s); author self-archiving of the accepted manuscript version of this article is solely governed by the terms of such publishing agreement and applicable law.